

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Д. А. ШТЕЛИНГ

О НЕОДНОРОДНОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Учение о грамматических категориях занимает центральное место в грамматической науке. Между тем отсутствие единого толкования и определения сущности грамматической категории свидетельствует о том, что эта важнейшая проблема не получила еще достаточно ясного решения¹.

Закономерно ли понимать под «грамматическими категориями» не только такие категории, как число, вид, залог и т. д., но и части речи?² Справедливо ли утверждение, что наличие в языке грамматической формы слова уже свидетельствует о существовании той или иной грамматической категории у данной части речи? Какова внутренняя закономерность, лежащая в основе грамматических категорий и отличающая их от простого ряда форм? В чем различие между грамматическими категориями частей речи и предложения? В чем причина того, что одни категории обнаруживают тенденцию к сокращению количества рядов форм до двух (ср. число), в то время как количество рядов форм других категорий (ср. формы времени в английском языке) возрастает? Грамматические категории могут изучаться лишь на материале конкретного языка и всегда отражают специфику этого национального языка. В данной статье рассматриваются грамматические формы и категории современного английского языка.

Обратимся к рассмотрению категории числа — единственной прочно удерживающейся и развивающейся грамматической категории существительного в современном английском языке. Она обнаруживается в противопоставлении форм единственного и множественного числа: *book* «книга», *books* «книги».

Общее (понятие числа) здесь дано как противопоставление двух несовместимых по значению форм (единичность — множественность). Форма *book* является в системе английского языка выразителем единственного числа только потому и постольку, поскольку ей противопоставлена форма *books*, выражающая несовместимое с ней значение множественности, и наоборот: форма *books* является выразителем значения множественности только постольку, поскольку ей противопоставлена форма единственного числа *book*. При этом, поскольку категориальное значение здесь выражено как отношение и возникает из противопоставления форм, одна из этих форм (единственного числа) не имеет специального морфологического показателя. Понятие отрицательной формы или нулевых показателей формы было, как известно, обосновано еще в трудах Ф. Ф. Фортунатова и И. А. Бодуэна де Куртена. На большую роль

¹ См. Б. Н. Головин, К вопросу о сущности грамматической категории (на материале русского языка), ВЯ, 1955, № 1; А. И. Мопсеев, О грамматической категории, «Вестник ЛГУ», 1956, № 2.

² См. А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1955, стр. 246.

нулевой флексии обращают внимание также сторонники оппозитивной морфологии¹.

Глагол в английском языке, как и в русском, имеет не только личные (предикативные), но и именные (непредикативные) формы (инфинитив, герундий и причастие). Категориями, проходящими через всю систему глагола (т. е. присущими как предикативным, так и непредикативным формам) и не связанными с употреблением глагола в какой-либо одной синтаксической функции, в английском языке являются только три — категории залога, вида и временной отнесенности (перфект — неперфект)².

Проиллюстрируем это на примере инфинитива как наиболее характерной глагольной формы. Грамматическое значение его основной формы (*to write*) многогранно, и это раскрывается лишь в п р о т и в о п о с т а в л е н и и ее другим формам инфинитива, т. е. зависит от того, выразителем какого о т н о ш е н и я она является. Так, формы *to write* и *to be written*, будучи противопоставлены друг другу, образуют з а л о г о в у ю пару и являются выразителями действительного и страдательного залога инфинитива (особых форм среднего залога в английском языке нет). Та же форма *to write* в противопоставлении форме продолженного вида *to be writing* является уже выразителем другого грамматического значения — общего вида. Наконец, будучи противопоставлена перфектной форме *to have written*, та же форма *to write* оказывается уже неперфектной. Противопоставление этих двух форм образует грамматическую категорию временной отнесенности:

<i>to write</i>	залог	<i>to be written</i>
	вид	<i>to be writing</i>
	временная отнесенность	<i>to have written</i>

Указанные три категории органически связаны со значением процесса как такового: они выражают его направленность (залог), его различную характеристику (вид) и соотношенность (или несоотношенность) с последующим моментом (перфект — неперфект).

Итак, из способа выражения основных грамматических категорий существительного и глагола английского языка следует, что в основе их лежит определенное о т н о ш е н и е. В этом прежде всего отличие их от частой речи: последние не являются выразителями отношений, они номинативны, и именно это принципиальное различие и не позволяет рассматривать части речи в одном плане с грамматическими категориями³.

Собственно грамматическую категорию можно определить как отношение, выраженное в грамматическом строе языка через противопоставление двух (и не более) взаимоисключающих друг друга по значению рядов (или групп) форм: это единство взаимоисключающих противоположностей. Таким образом, в грамматической категории отражен основной закон человеческого мышления. «...всему познанию человека вообще свойственна диалектика»⁴, а сущность диалектики — это «раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними»⁵. Грамматическая категория образуется на основе противопоставления двух (и только двух!) рядов форм — это раздвоение единого.

¹ См. R. Jakobson, Das Nullzeichen, BCLC, fasc. V (année 1938—1939), 1940.

² А. И. Смирницкий, Перфект и категория временной отнесенности, «Ил. яз. в шк.», 1955, №№ 1—2. Исключение составляют лишь вообще неизменяемые формы глагола английского языка: причастие II, императив и одна из форм конъюнктива, пережиточно сохраняющаяся в языке (*he be*).

³ См. о том же в дискуссии о частях речи (ВЯ, 1955, № 1, стр. 165).

⁴ В. И. Ленин, К вопросу о диалектике, «Философские тетради», 1947, стр. 329.

⁵ Там же, стр. 328.

О степени развитости (отвлеченности) морфологической категории следует судить не по тому, обнаруживается ли она в формах всех слов данной части речи; морфологическая категория является одной из характеристик части речи, т. е. целого ряда слов, а не отдельного слова. Например, существительное, обозначающее вещество или материал, не может, не изменяя своего лексического значения, принимать форму множественного числа. Показателем развитости определенной категории является то, насколько она отвечает сущности категории вообще, т. е. насколько ясно и четко она выражает единство взаимоисключающих противоположностей. (Ср., например, исчезновение двойственного числа в русском, английском, немецком и др. языках.) Характерно, что к аналогичному выводу приходит А. А. Реформатский, говоря о степени грамматической абстракции в категории числа, хотя он и исходит из совершенно иного понимания грамматической категории¹.

*

Закономерность, лежащая в основе одной грамматической категории, не может не являться закономерностью всех вообще грамматических категорий, ибо в противном случае мы неизбежно говорили бы о принципиально различных языковых явлениях². Естественно, возникает вопрос о том, как же объяснить с точки зрения данного выше определения наличие в языках категорий, выражаемых более чем двумя рядами форм, например времени и наклонения? Ведь в историческом плане здесь имело место не исчезновение, а, наоборот, сравнительно позднее появление третьего ряда (ср., например, развитие форм будущего времени в русском, английском, немецком и других языках).

Анализ форм изъявительного и сослагательного наклонений со стороны их назначения в речи, их синтаксической функции, способа выражения и объема их грамматического значения приводит к выводу, что эти два наклонения, в противопоставлении друг другу, образуют грамматическую категорию, качественно отличную от упомянутых выше грамматических категорий, также выражаемых глагольными формами. В отличие от них, формы изъявительного и сослагательного наклонений употребляются в функции только одного члена предложения — сказуемого — и связаны не с характеристикой процесса как такового, а выражают отнесение содержания всего предложения к действительности, т. е. являются морфологическим средством выражения предикативности в дуосоставном предложении: то, что сообщается в предложении, может быть представлено говорящим либо как реальное, либо как только предполагаемое или воображаемое. При этом модальное отношение органически связано с временным и неотделимо от него.

Существенно подчеркнуть, что личные (предикативные) формы, т. е. те, к которым относятся формы изъявительного и сослагательного наклонений, являются выразителями модально-временных отношений в сообщении независимо от содержания сказуемого, т. е. от того, характеризуется ли предмет, выраженный в подлежащем, каким-либо действием, состоянием, качественным признаком или нахождением его в каких-либо условиях (иначе говоря, это может быть не только глагольное сказуемое):

¹ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, стр. 248.

² Речь идет о раскрытии сущности грамматической категории. Это не исключает глубоких качественных различий между отдельными грамматическими категориями, если они рассматриваются в другом плане — с точки зрения их связи с лексико-семантическим своеобразием словесного материала и со словообразованием (см. В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 125).

Изъявит. наклонение

He speaks «Он говорит»
He is glad «Он рад»
He is clever «Он умен»
He is here «Он здесь»

Сослагат. наклонение

He would speak
He would be glad
He would be clever
He would be here

Объем грамматического значения, выражаемого формами наклонений, шире объема значения какой-либо одной из грамматических категорий, связанных лишь с действием; ведь изъявительное, равно как и сослагательное наклонение не ограничивается противопоставлением по линии какой-либо одной из глагольных категорий, а включает всю их систему (общий вид — продолженный вид; действительный залог — страдательный залог; неперфект — перфект):

Изъявит. наклонение

He asks $\left\{ \begin{array}{l} \rightarrow \textit{He is asked} \\ \rightarrow \textit{He is asking} \\ \rightarrow \textit{He has asked} \end{array} \right.$

Сослагат. наклонение

He would ask $\left\{ \begin{array}{l} \rightarrow \textit{He would be asked} \\ \rightarrow \textit{He would be asking} \\ \rightarrow \textit{He would have asked} \end{array} \right.$

То же в отношении форм *past*
и *future*

Необходимо еще раз подчеркнуть, что модальное и временное отношения неотделимы друг от друга в формах изъявительного и сослагательного наклонений и что, следовательно, рассмотрение одного из этих значений в отрыве от другого механистично и недопустимо. Вот почему традиционное выделение особой грамматической категории времени представляется неправомерным.

Кратко рассмотрим выражение модально-временных значений в формах изъявительного наклонения. Изъявительное наклонение выражается в формах *present*, *past* и *future*. Система всех глагольных форм в *present*, *past* и *future* и есть изъявительное наклонение¹. Это не может быть иначе: изъявительное наклонение — это система глагольных форм, употребляемых при утверждении реальности сообщаемого, а понятие реальности явления органически связано с понятием объективно существующего времени, и формы *present*, *past* и *future* выражают это. Утверждая реальность сообщаемого, мы одновременно неизбежно характеризуем его как существующее в действительности, т. е. в реально существующем времени.

Как формы времени *present*, *past*, *future* обозначают объективно существующее время, каждая согласно своему значению: форма *present* выражает объективно существующее время вообще, без каких-либо ограничений; форма *past* — время уже истекшее, безвозвратно ушедшее в прошлое; форма *future* — время, в действительности еще не наступившее, относящееся к будущему. Но это еще только одна сторона значения этих форм, и, следовательно, их грамматическая сущность полностью еще не раскрыта — ведь это прежде всего формы **и з њ я в и т е л ь н о г о** **н а к л о н е н и я**.

При употреблении в речи форм *present*, *past*, *future* в них может ярче проявляться то модальное, то временное значение. Это особенно ясно можно показать на примере формы *present*. К какому бы времени сообщаемое в форме *present* ни относилось, оно всегда истинно, соответствует действительности — таково модальное значение этой формы. Отсюда отношение сообщаемого в *present* к моменту речи: оно верно, справедли-

¹ См. о том же: Н. С. П о с п е л о в, Категория времени в грамматическом строе русского глагола, сб. «Вопросы теории и истории языка...», стр. 296.

во, действительно для момента речи, имеет к нему то или иное отношение, актуально для него. Все это относится к любой форме present, независимо от того, выражен ли глагол в форме продолженного или общего вида, в перфектной или неперфектной форме.

Поскольку форма present как временная выражает реальное время без каких-либо ограничений (и, следовательно, включает момент речи также), постольку эта форма может в предложении наполняться самым различным содержанием. Форма present далеко не всегда отвечает на вопрос «когда происходит действие?» и не всегда означает, что то, о чем сообщается, обязательно относится к моменту сообщения. В основном здесь следует различать два случая: чем более сообщаемое по содержанию связано с самим моментом речи, тем ярче в форме present проявляется временное значение (отнесенность сообщаемого непосредственно к настоящему моменту, связь с ним во времени): *I know what I am saying* «Я знаю, что говорю»; *and what else is happening?* «а что еще (сейчас) происходит?»; *They are going to leave London* «Они собираются уехать из Лондона». Наоборот, чем менее сообщаемое связано с настоящим моментом, т. е. чем более оно действительно, верно для любого времени, тем сильнее в форме present проявляется ее модальное значение (действительность сообщаемого вообще и то, что оно справедливо, истинно и для момента речи): *The book contains a review of the fundamental grammatical principles and forms* «Книга содержит в себе обзор основных грамматических правил и форм»; *France is separated from England by the English Channel* «Франция отделена от Англии Ламаншем».

Модальное значение present особенно отчетливо выступает в формулировках законов, правил, в пословицах и поговорках, т. е. в определении того, к чему человек пришел на основании долгого опыта, исследований и наблюдений и что, следовательно, истинно, достоверно: *Twice two makes four* «Дважды два четыре»; *The continuous form is used to express an action as going on, as being in progress* «Форма продолженного вида употребляется для выражения действия в его течении, в процессе его совершения»; *Still waters run deep* «В тихом омуте черти водятся»; «*Who can calculate on the fortitude of one whose life has been a round of pleasures?*» (W. Irving) «Кто может положиться на стойкость того, кто в жизни знал одни удовольствия?».

Модально-временное значение отчетливо проявляется в формах present при употреблении их в придаточных предложениях условия и времени (а иногда и в придаточных дополнительных), при общей отнесенности содержания предложения к будущему: говорящий как бы исходит из реально существующей предпосылки — из того, что сказанное в придаточном предложении истинно, достоверно. Специфика значения present получила в английском языке и формальное выражение: в отличие от форм past и future, формы present в 3-м лице единственного числа имеют флексию (s) (*The student works — the students work*). Не случайно также, что в русском языке отсутствие связочного глагола характерно лишь для настоящего времени.

Форма past выражает время уже истекшее, безвозвратно прошедшее. Следовательно, то, что сообщается в сказуемом с глаголом в этой форме, является уже реальным фактом прошлого. Таким образом, значение формы past также двойко: то, что она выражает время уже прошедшее, является ее временным значением, а то, что сообщаемое в действительности является реальным фактом (прошлого), — это ее модальное значение.

Форма future выражает время, реально еще только грядущее. Следовательно, то, что сообщается в сказуемом, выраженным в этой форме, только станет реальным фактом. Спецификой модального значения формы future является то, что сообщаемое в какой-то мере всегда является проблематичным.

Итак, формы present, past и future нельзя рассматривать только как формы времени, они выражают также и модальность и з ъ я в и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я.

Системе форм изъявительного наклонения противопоставлена система форм наклонения сослагательного; последние употребляются в сообщениях о фактах не реальных, а лишь воображаемых или предполагаемых, в связи с тем и временное отношение в формах сослагательного наклонения выражается своеобразно — принципиально иначе, чем в изъявительном.

В современном английском языке формы, выражающие сослагательное наклонение, неоднородны, так как они являются выразителями категории не морфологической, а синтаксической; наличие в этом случае двух рядов форм связано с их различным использованием в синтаксической структуре предложения. Так, синтетические формы (ср. *If I knew; If I were*) употребляются, как правило, лишь в трех типах п р и д а т о ч н ы х предложений, т. е. являются формами выражения подчинительных связей в сложном предложении, и лишь одна — основная — форма (обычно называемая в грамматиках the conditional mood — «условное наклонение») употребляется в простом предложении, в главном предложении сложного периода, в придаточном определительном предложении и в некоторых других случаях.

Интересно отметить, что синтетические формы сослагательного наклонения омонимичны формам прошедшего времени изъявительного наклонения: их значение выявляется только в сложном предложении. Поскольку формы сослагательного наклонения выражают нечто воображаемое, предполагаемое, а не реально существующее во времени, они, естественно, не могут быть выражены в present, past и future — они являются лишь либо неперфектными, либо перфектными. Как и в изъявительном наклонении, модальное значение в них тесно переплетается с временным, причем перфектные формы выражают также большую нереальность сообщаемого факта, чем неперфектные, и поэтому употребляются главным образом в отношении к прошлому, т. е. там, где осуществление предполагаемого или желаемого уже невозможно: *But for the storm the ship would have come in time* «Если бы не шторм, пароход пришел бы вовремя». Следует заметить, что вопрос об употреблении перфектных форм сослагательного наклонения в английском языке пока изучен еще недостаточно.

Итак, система форм изъявительного наклонения, с одной стороны, и система форм сослагательного наклонения, с другой, будучи противопоставлены друг другу, составляют категорию, выражающую предикативность предложения. Эта категория выражается в формах глагола-сказуемого двусоставного предложения¹.

Изъявит. наклонение

Сослагат. наклонение

present

subjunctive non-perfect

past

subjunctive perfect

future

*

Разграничение грамматических категорий части речи и предложения важно не только в теоретическом, но и в практическом плане, поскольку

¹ Грамматическая категория наклонения — не единственная грамматическая категория предложения, выражаемая в сказуемом двусоставного предложения. Интересно отметить, например, что сказуемое английского языка (независимо от того, выражено ли оно формами изъявительного или сослагательного наклонения) может начинаться с модального глагола. Поскольку модальные глаголы в английском языке могут употребляться исключительно в составе сказуемого, возникает возможность еще одного, совершенно иного противопоставления, основанного на наличии или, наоборот, отсутствии модального глагола в сказуемом.

выделение глагольных форм, выражающих собственно глагольные категории и категорию, связанную с предикацией, позволяет не только более точно определить значение отдельных форм, но и выявить закономерность в употреблении обстоятельств времени. С одной стороны, формы глагола как формы слова могут сочетаться обстоятельными словами и оборотами, и это относится к с и н т а к с и с у с л о в о с о ч е т а н и я. Здесь есть случаи очень характерной сочетаемости. Так, например, перфектная форма, выражающая действие в периоде и соотношенность действия, часто сочетается с обстоятельствами, обозначающими количество времени (*for ten days* «в течение десяти дней»; *for a moment* «с минуту»), целый период (*all his life* « всю свою жизнь »), соотношенность с начальным или последующим моментом периода (*since then* «с тех пор»; *till 1950* «до 1950 года») и т. д.

С другой стороны, обстоятельства могут относиться не только к глагольной форме, а быть частью предложения в целом, часто обособленным его членом; это относится к с и н т а к с и с у п р е д л о ж е н и я. Выбор таких обстоятельств, конечно, не случаен, но он уже предопределяется семантикой всего предложения в целом и в значительной мере — семантикой форм *present, past, future*. Так, например, если глагол-сказуемое употреблен в одной из форм *past*, в предложении часто употребляются обстоятельства точного времени (*in 1940, yesterday* «вчера» и т. п.). В то же время такие обстоятельства, как правило, не употребляются, если глагол выражен в форме *present* (хотя, например, форма *present perfect* обычно выражает действие, имевшее место в период, предшествовавший моменту речи) и т. д.

*

Грамматические категории — не просто формы, не «набор» форм, а строго определенное отношение между ними, и, следовательно, наличие в языке нескольких форм одного и того же слова само по себе не является еще грамматической категорией. Нельзя ограничиваться и морфологическими оппозициями в плане структурной морфологии (оппозиция падежей, оппозиция числа и рода существительных, оппозиция глагольных форм времени и др.)¹. Необходимо расчленить все эти совершенно различные по своему назначению формы. Такие формы, как формы падежа, рода и степени сравнения, конъюнктив в современном английском языке и др., по своему назначению в системе языка принципиально отличны от форм описанных выше грамматических категорий, в связи с чем и количество их не ограничивается обязательно двумя рядами (группами). Иной является и тенденция в развитии этих форм². Особо следует выделить формы, связанные с выражением чувства и воли.

В английском и во французском языках, например, падежные формы существительного исчезли совершенно³. Функции имени существительного в предложении определяются другими средствами (прежде всего, порядком слов). Что же касается семантико-синтаксических связей в словосочетаниях с именем, то падежные формы выражали их слишком обще и недифференцированно, в то время как эти связи непрерывно усложнялись. Именно поэтому в современном английском языке отношения между компонентами таких словосочетаний выражаются уже не формами имени, а при помощи разнообразных предлогов, порядка следования ком-

¹ См. Б. Т р и к а и др., К дискуссии по вопросам структурализма, ВЯ, 1957, № 3.

² См., например, о процессе стирания и унификации падежных флексий в современном немецком языке: С. А. М и р о н о в, Некоторые вопросы сравнительной морфологии немецких диалектов, ВЯ, 1957, № 3, стр. 21.

³ См. Г. Н. В о р о н ц о в а, Об именном форманте 's в современном английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1958, № 4, стр. 18.

понентов и семантическими связями между ними; именная конструкция со значением принадлежности получила характерное оформление при помощи особого форманта *'s* (*John's book* «книга Джона»), но то же отношение может быть выражено также словосочетанием с предлогом *of* (*the book of John*).

Как бы ни был сложен и спорен вопрос о роли падежных форм в языках, где эти формы удерживаются¹, все же несомненно, что они не являются тем языковым материалом, на котором может решаться вопрос о сущности грамматической категории, хотя такие попытки, к сожалению, имеют место до сего времени². Следует заметить, однако, что в отношении русского языка в литературе уже высказывалась точка зрения, отрицающая падеж как грамматическую категорию³.

Интересно отметить также тенденцию к более дифференцированному выражению всех разновидностей степеней качеств. Формы степеней сравнения прилагательного недостаточны для выражения этих все усложняющихся значений, вследствие чего рассмотрение форм прилагательного в грамматиках неизменно связывается с рядом сочетаний (ср. выражение большей или меньшей степени качественного признака: *more interesting — less interesting* «более интересный» — «менее интересный») равной или, наоборот, неравной степени качества, выражаемой соотносительными оборотами с союзами *as long as — not so long as* (*max* же длинен, *как — не так* длинен, *как*).

Интересно наблюдение, что сами формы степеней сравнения «обычно рассматриваются в учебниках грамматики как формы прилагательного, т. е. включаются в словоизменение, но не упоминаются в числе грамматических категорий, присущих прилагательному»⁴. Более того, в литературе высказывалось даже мнение о том, что изменение по степеням сравнений образует новую лексическую единицу, содержащую количественное изменение качественного признака (ср. *умный* и *умнейший*)⁵.

Форма может служить средством выражения семантико-синтаксических связей в сложном предложении. Так, например, в современном английском языке следует четко различать, с одной стороны, возникшие лишь в новонаглийский период аналитические формы сослагательного наклонения (*I should do; he would do*), а также формы выражения нереальности, употребляемые лишь в некоторых типах придаточных предложений (*If I knew* «если бы я знал»), с другой же стороны, сохраняющиеся формы древнеанглийского конъюнктива (*he go, it be*) и их аналитические эквиваленты (*he should go*).

Употребление этих форм конъюнктива (и их эквивалентов) ограничено узкими рамками сложных предложений, в которых выражается предположение, оценка чего-либо (предложение, требование), а также предложения, выражающими эмоции (опасение, сомнение, недоумение и т. п.). За редкими, всегда стилистически обусловленными случаями формы конъюнктива употребляются в придаточных предложениях, обычно после слов определенного лексического значения. Иначе говоря, это формы выражения семантико-синтаксических связей в сложных периодах строго определенного содержания. Интересно отметить, что в использовании форм конъюнктива наблюдается расхождение между английским и американским вариантами английского языка.

¹ См. ряд дискуссионных статей о категории падежа в журнале «Русский язык в школе»: В. Мигирин, К вопросу об определении категории падежа (1953, № 5); Ю. В. Соловьев, Еще к вопросу об определении категорий падежа (1955, № 6); И. К. Кучеренко, К вопросу о категории падежа (1957, № 5).

² См. А. И. Моевеев, указ. соч.

³ См. В. Мигирин, указ. соч.

⁴ В. И. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иоффик, Современный английский язык, М., 1956, стр. 40.

⁵ См. И. И. Мещанинов, Члены предложения и части речи, М.—Л., 1945, стр. 216—217.

Еще более специфичны по сравнению с формами грамматических категорий формы, связанные с выражением чувства и воли. «Грамматика рассматривает формы синтаксического выражения мысли, чувства и воли... У каждого языка есть свои жизненно-экспрессивные краски, многообразие способов выражения предикативности»¹. Нельзя, например, рассматривать форму императива (так называемого «повелительного наклонения») в одной плоскости с формами грамматической категории наклонения (т. е. с формами изъявительного и сослагательного наклонений). «Не только интонация, не только синтаксическое значение..., но и морфологическое строение решительно выделяют повелительное наклонение из общей системы русского глагола»². Это полностью относится и к английскому языку. Форма императива отличается экспрессивностью, она неотделима от особой интонации, и не случайно в учебниках эта форма рассматривается не в связи с другими глагольными формами, а в системе особых трехчленных сочетаний, особых формул побуждения с экспрессивно-модальной частицей *let* («пусть», «давайте»), выражающих приглашение к совместному действию (*let us go*) или распоряжение в отношении действия, которое ожидается от 3-го лица (*let him do it*). Такое рассмотрение императива вполне закономерно, тогда как простое перечисление «наклонений» (изъявительное, сослагательное, повелительное) нелогично и не раскрывает существа вопроса.

В результате вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. К изучению грамматических форм и категорий следует подходить с учетом назначения форм в системе языка и исторической тенденции их развития. Задача состоит в том, чтобы, во-первых, дифференцировать грамматические категории частей речи и предложения, а во-вторых, собственно грамматические категории, развивающиеся и подчиняющиеся определенной закономерности, отграничить от форм, связанных с выражением чувства и воли, семантико-синтаксических связей в словосочетании и в предложении и т. п.

2. Грамматическая категория есть наиболее общее значение, данное в грамматическом строе языка как отношение, путем противопоставления двух (и не более) взаимноисключающих друг друга по значению рядов (групп) форм. Это — единство взаимноисключающих противоположностей.

3. Части речи не выражают отношений — они лишь называют предметы, процессы и т. д., и поэтому относить их к грамматическим категориям не следует.

4. Грамматические категории — это не просто ряд форм, а строго закономерное отношение между ними. Следовательно, не всякий ряд форм изменения одного и того же слова образует грамматическую категорию (формы конъюнктива и императива в современном английском языке; формы степени сравнения, падежные формы и др.).

5. Показателем развитости той или иной грамматической категории является то, насколько полно и четко она соответствует своей сущности (единство взаимноисключающих противоположностей). Полный охват категорий всех слов данной части речи не может еще являться бесспорным критерием развитости морфологической категории.

6. Грамматические категории могут быть категориями как частей речи, так и предложения. Они различаются по объему выражаемого ими грамматического значения и, главное, по синтаксическим функциям их форм, по назначению в языке, по содержанию выражаемых ими отношений, в то время как лежащая в основе всех грамматических категорий закономерность одинакова.

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 69, 75—76.

² В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947, стр. 590.

7. Поскольку сущностью грамматической категории является отношение между двумя формами (а не сами формы), постольку один из рядов форм может и не иметь специального показателя.

8. Система форм изъявительного наклонения противопоставлена системе форм сослагательного наклонения: отношение между ними образует категорию, выражающую предикативность всего двусоставного предложения в целом. Формы изъявительного и сослагательного наклонений выражают как модальное, так и временное значение; эти значения неотъемлемы друг от друга, поэтому выделение двух особых категорий — изъявительного наклонения и времени — неправомерно.

9. Для изъявительного и сослагательного наклонений (как выразителей категории не части речи, а предложения) характерно многообразие форм их выражения. Изъявительное наклонение передается всей системой глагольных форм в *present*, *past*, *future*. В сослагательном наклонении неоднородность форм связана со структурой сложного предложения.
